

— Вы что, не знаете, как это лечить?

— Ребёнок отказывался от помощи, — попытался обвинить маленького мальчика врач, но ответная реакция заставила его подумать, что это все ещё его вина.

— Тем не менее, вам нужно это сделать.

Доктор глубоко вздохнул и подошёл к Роншке.

— Дитя, давай обработаем твои раны.

Мальчик оглянулся и посмотрел на Адель. Затем он спокойно вытянул ногу. Теперь к нему было совершенно другое обращение, не такое, к какому он привык.

Травмы оказались не только на ноге. Врач взял лекарство и закатал рукав Роншки. На его руке были синяки, царапины и отметины, будто кто-то регулярно бил его.

— Кто мог ударить маленького ребёнка?

Мальчик никак не отреагировал на этот комментарий. До сих пор лишь несколько человек беспокоились о нём. Но это всегда было временно. Они меняли своё отношение всякий раз, когда видели, как он обращается с огнём. Они называли его монстром и отдалялись. Ему не нравились другие люди. Их доброта всегда была временной, а конец всегда был мрачным.

Даже если она называла его монстром или причиняла боль своими словами, мать была единственным человеком в мире, который всегда оставался с ним.

Роншка крепко держал Адель за руку, пока медик чистил и обрабатывал его раны.

— Тебе не больно? — спросила Адель сына.

Роншка на мгновение закатил глаза, прежде чем ответить.

— О, совсем нет.

Раны были всегда, так что удивляться было нечему. Поэтому он ответил, что с ним всё в порядке.

«Я должен сказать ей, что мне больно!»

Он понял это позже, но было уже слишком поздно.

Что делать? Может быть, именно поэтому мама уделяла ему так мало внимания? Роншка встревоженно посмотрела на Адель.

Но неожиданно для него женщина продолжала смотреть. Он был доволен её настойчивым взглядом. Роншка снова ухмыльнулся.

Но сердце Адель болело всё сильнее при виде сына. Сколько ран он перенёс, чтобы привыкнуть к боли? Думая об этом, её казалось, что вот-вот умрёт от чувства вины.

— Ноги вылечены, теперь давайте посмотрим в другом месте.

Доктор осмотрел руку Роншки. Затем он вообще снял пальто.

Адель хотела закрыть глаза, когда увидела раны мальчика. Но она этого не сделала. Во всём была её вина, поэтому она считала, что обязана наблюдать.

Увидев лекарство, нанесённое на рану ребёнка, она сдержала слёзы. Всё, что могла сделать Адель, это крепче сжать руку Роншки.

Было бы лучше, если бы она взяла всю его боль на себя. Но женщина не могла. Всё, на что она была способна – это извинения.

— Мне жаль. Маме действительно очень жаль.

В конце концов, голос Адель, который прорезался, задрожал от чувства вины. Доктор не заметил этого, потому что лечил ребёнка, но Лукас понял чувства, звучавшие в её тоне.

Он не знал, ударила ли женщина мальчика или пренебрегла им, пока кто-то избивал его, но было ясно, что виновницей была именно она.

В тот момент, когда он понял это, ненависть подступила к горлу. Он мог увидеть себя в прошлом, глядя на ребёнка, крепко держащего руку матери.

Мать, что издевалась над ним. Мать, руку которой он сам не был в силах отпустить.

Может быть, именно поэтому Лукас принял импульсивное решение.

Он подошёл к Роншке, чья рана почти зажила, опустился на колени и уставился на него. А потом сказал:

— Когда твои раны заживут, не хочешь пойти со мной?

Мальчишка широко раскрыл глаза от удивления при этих словах.

— Возможно, я не смогу дать тебе то, чего ты хочешь, но гарантирую достойное будущее.

В этом не было ничего невозможного. Лукас был старшим сыном герцога.

Хотя он скептически относился к своей власти с тех пор, как он сбежал из семьи, богатство, унаследованное им от бабушки, позволяло жить ему так, как заблагорассудится.

«Я не могу подарить ему материнскую любовь, в которой мальчик нуждается больше всего, но могу дать всё остальное».

— Пойдём со мной.

Алые глаза, которые на мгновение обратились к Лукасу, повернулись в сторону. Там была мать ребёнка с удивлённым выражением на лице.

Ребёнок спросил:

— Вместе с моей мамой?

— Нет, ты один, — твёрдо ответил Лукас.

В тот момент, когда прозвучали эти слова, выражение лица женщины внезапно изменилось. Её влажные зелёные глаза затуманились, будто она была готова разрыдаться в любой момент.

Но она не заплакала. Закусив губу, Адель отчаянно сдерживала слёзы.

Множество эмоций промелькнуло в её глазах. И, наконец, словно она пришла к какому-то выводу, её эмоции тихо улеглись, как упавшее в озеро бревно.

— О-о-один?

Роншка выглядел удивлённым. Затем его тело начало дрожать, как осиновое дерево.

— Ах, ах, нет! Э-э, с мамой!

— Нет, без твоей мамы.

— П-почему, почему?

Роншка заикался сильнее обычного своим растерянным голосом.

Зная, что ребёнок напуган, Лукас не отступил. Он просто пытался убедить его.

— Потому что это причинит тебе боль.

— Н-нет, мне не больно!

Роншка воскликнул так, словно кричал на мужчину.

Его маленькие ручки напряглись. Он сжал руку Адель. Этого было недостаточно, потому он сжал её ещё крепче и прильнул к ней всем телом.

Мальчик хотел, чтобы мать сказала ему, что она никогда его не отпустит, но та молчала. Теперь он был в ужасе.

Теперь он был в беде. Что он может сделать, чтобы не разлучиться со своей матерью?

Роншка отчаянно замотал головой. Затем он пришёл к выводу.

Если подумать, Лукас не знал, что он монстр. Так что, если тот узнает об этом, определённо отменит свой план разлучить его с матерью.

— Я-я монстр!

После такого крика он крепко зажмурил глаза. Теперь ребёнок думал, что Лукас будет проклинять его, как другие люди, но он не слышал никаких голосов.

Когда он удивлённо открыл глаза, мужчина был ещё ближе. Его лицо, которое всё это время оставалось невозмутимым, исказилось, и он посмотрел на Роншку.

— Почему ты так думаешь?

— Ч-что?

— Разве ты не говорил, что ты монстр?

Роншка заколебался, услышав вопрос, затем прошептал.

— Бу, огонь.

Как только прозвучали эти слова, перед ногами мальчика вспыхнуло маленькое пламя.

— А-а-а! Пожар!

Увидев огонь, доктор вскрикнул от изумления и в ужасе побежал в поисках воды.

Адель, с другой стороны, крепко обняла сына, словно защищая его, со спокойным выражением лица. Лукас внимательно наблюдал за процессом.

Пожар был быстро потушен, но это заставило врача относиться к ребёнку с подозрением. Он перестал вести себя дружелюбно и начал опасаться Роншки.

Для мальчика это было повседневной рутиной. Никто из тех, кто проявлял к нему интерес, не остался с ним.

Был только один человек, который всегда находился рядом.

Адель, его мама.

Та, кто причиняла ему боль, и та, кто дарила ему радость, были в одном лице. Хотя она ненавидела его, Адель никогда не злилась на него и не была, как все остальные.

Поэтому отношение доктора не было чем-то необычным. Его действия не причинили ребёнку вреда. Теперь мальчик был просто счастлив в объятиях матери.

Затем Лукас подошёл и осмотрел оставшийся пол на предмет следов пожара. После чего он спросил Роншку:

— Ты сделал это?

— Я могу это сделать, потому что я – монстр. Ты боишься меня, верно? Ты больше не можешь терпеть меня, не так ли?

Он сказал это настолько пугающе, насколько было возможно, но выражение лица Лукаса не

изменилось. Он посмотрел на Роншку с непроницаемым видом и снова открыл рот.

— Ты... У тебя есть дар общения с духами.

Как только Лукас произнёс эти слова, рука Адель, крепко держащая Роншку, ослабла.

Впервые нашёлся человек, что признал силу Роншки, и был тем, кто предложил позаботиться о нём.

Из своих прошлой и настоящей жизнью она знала, какими ужасными могут быть люди, но у неё было чувство, что мужчина перед ними мог оказаться подходящим человеком.

Может быть, ребёнку будет лучше с кем-то, кто не так грешен, как она, и кто признает Роншку и сделает его счастливым.

Роншка был в ужасе, когда рука матери опустилась.

— А, мама?

Мальчик сдавленным голосом спросил с искренним беспокойством в голосе:

— Мама, ты собираешься меня бросить?

Мысли, которые он не позволял себе в лесу, теперь одолели его. Роншка все ещё помнил, как ему было тепло рядом с ней, и он не мог так просто отказаться от этого.

Мальчик сказал с усмешкой:

— Я-я даже не плачу. Я также ем очень мало риса. Я собираюсь хорошо выполнять свою работу и никогда не побеспокою тебя.

Ребёнок отчаянно излагал все возможные причины, по которым мог бы остаться с мамой.

«Мне нужно съедать немного риса всего один раз в день. Она вообще не обязана давать мне его, если тот будет твёрдым».

Хотя позже у него будет болеть живот, он сможет обойтись без риса.

«Я никогда раньше не работал, но часто видел, так что я тоже как-нибудь помогу своей маме на работе».

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/76509/3174824>